

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

КЛЕВЕТА ВСЁ ПОТРАСАЕТ...

Мартовский номер “Нашего современника” с моими размышлениями о горестных итогах “съезда “победителей” наконец-то дошёл до великой русской провинции, где был внимательно прочитан, осмыслен, и вызвал целый поток писем, телефонных звонков от читателей и писателей, поддержавших мою точку зрения на съезд.

Для меня ценность этой поддержки заключается в том, что она исходит от писателей, имеющих или всероссийское имя (Сергей Михеенков, Диана Кан, Андрей Убогий, Юрий Убогий, Валерий Сдобняков и др.), или, по крайней мере, заслуженно известных в своих краях и областях (Валерий Фокин – Вятка, Александр Филиппов и Виталий Молчанов – Оренбург, Юрий Перминов – Омск, Марина Шамсутдинова – Крым, Василий Струж – Волгоград, Елена Иванова – Ставрополь и др.).

Противная сторона очередной раз мобилизовала одних и тех же дежурных подпевал, возникших из литературного небытия: Подлuzский, Блехман, Ерыпылёв, Хартавакян... Чем они обогатили современную прозу, поэзию, критику – этого не знает никто. Ясно только одно: получив возможность ответить мне в социальных сетях, они на короткое время всплыли, как то самое “вещество”, которое, как говорится, “не тонет в проруби”. Увы, тонет... Но за время пребывания на поверхности хоть сказали бы спасибо главному редактору лучшего литературного журнала России за то, что, мусоля его имя, они пережили свой “звёздный час”. Полемика с ними похожа на дурную пьесу в нескольких действиях под названием “Шила в мешке не утаишь” или “За базар отвечать надо”. А чем больше появляется откликов на наш 15-й съезд, тем больше всё происшедшее на нём похоже на театр абсурда.

Но иначе и быть не может наше время, когда попираются политическими мошенниками мирового масштаба факты и события вершащейся на наших глазах истории, когда рушатся все законы, все обычаи, вся реальная фактура жизни, когда “клевета всё потрясает”... Соблазн воспользоваться такого рода бесчестием слишком велик. И наш съезд писателей – печальное тому подтверждение. Когда английский министр Борис Джонсон, тряся рыжими патлами, с неизменной папкой подмышкой вороватыми шажками семенил между лондонскими офисами, озабоченный, как бы ему пристегнуть “дело Скрипалей” к русофобской британской дипломатии, я невольно захохотал: как на него был похож Дорошенко, с подобной же папкой подмышкой, набитой спецвыпуском газетки “Российский писатель”, которую, он тряся седыми патлами, рассовывал в руки делегатам съезда... А когда Тереза Мэй с лицом пьющей женщины (о чём писала британская пресса) выступала в английском парламенте, то я вспомнил о хмельной пляске Нади Мирошниченко на подиуме нашего съезда.

Атмосфера абсурда и мошенничества на съезде началась с огрызкинской статьи, опубликованной в “Литературной России” (№5, 2018) за неделю до съезда под косноязычным заголовком: “Почему Станислав Куняев и его ближайшее окружение так боятся перемены в Союзе писателей России и готовы

изо всех сил вырвать для себя власть”. **А закончилась эта интрига также огрызкинской статьёй “Крах Станислава Куняева”** (“Литературная Россия” № 7, 2018). Так что главным “идеологом” съезда были не Н. Дорошенко с Г. Ивановым, и не А. Бобров, а В. Огрызко, в чём Коля Дорошенко признавался с восторгом, в своей статейке, которую он совал делегатам в руки и где было написано:

“Литературная Россия”, осведомлённая в деталях подготовки к водружению Переверзина на вершину нашего творческого Союза, сообщает нам”... <...> “Литературная Россия” сообщает вот о чём: “Как говорят, задача поставлена такая: якобы Куняев сразу должен воцариться в президиуме съезда, захватить в свои руки микрофон и на правах старейшины открыть и повести съезд, навязав всем делегатам свою волю”. И т. д., и т. п.

Так что именно В. Огрызко вооружил организаторов съезда “слухами”, за которые они с радостью ухватились:

“Как говорят, — писал клеветник, имея в виду меня, — он сильно разозлился, когда не обнаружил себя в списке делегатов. Раньше его на писательские съезды избирала Калужская писательская организация. А в этот раз калужане, видимо, решили, что есть более достойные люди, способные отстаивать на съезде интересы не двух-трёх престарелых литературных генералов, а всего писательского сообщества. По сути, они отказали главному редактору журнала “Наш современник” в своём доверии” (“Литературная Россия” № 5, 2018).

Но этого мелкому пакостнику показалось мало. В одном из следующих номеров газеты (№ 7, 2018) он, захлёбываясь от злорадства, объявил мне окончательный приговор:

“Один из итогов (! — Ст. К) минувшего съезда Союза писателей России — крах Станислава Куняева”... “В писательском сообществе Куняеву безоговорочно отказали в доверии”. (Ну, здесь заврался мошенник, хотя бы потому, что Шаргунова выбрали в руководство по моему предложению.) Однако интересно другое: как цепко ухватились за огрызковскую версию “недоверия” Куняеву новые (а на самом деле, старые) руководители СП России! С каким нескрываемым торжеством они стали повторять его сплетню о том, что меня мои земляки — калужские писатели — не выбрали делегатом на съезд. В их памяти, видно, крепко засела моя речь на съезде писателей, состоявшемся в 2013 году в Калуге, где я выступил с беспощадным осуждением ивановых и дорошенок, при которых Союз писателей, как никогда, деградировал. Потому-то они ухватились за огрызковскую ложь о том, что Куняева не выбрали его же земляки, а Геннадий Иванов написал мне в якобы “примирительном” послании: **“Уважаемый Станислав Юрьевич! Видимо, надо и письменно объяснить по поводу неизбрания Вас в Калуге делегатом на съезд. А получилось вот что. Вы ни разу не позвонили в Калугу писателям, не приехали на собрание и остались без мандата... Вот Лиханов, у него была квота в Воронеже. Он туда поехал на собрание, выступил, его там избрали делегатом”**.

Поскольку “добрая слава лежит, а худая бежит”, я позвонил в родную Калугу друзьям-писателям, рассказал о потоке лжи, вылившейся на мою седую голову, и вскоре получил из Калуги два письма. Первое — сухое, официальное, но с бюрократической точки зрения абсолютно правдивое — от председателя правления Калужской писательской организации В. Терёхина:

“Уважаемый Станислав Юрьевич!

На Вашу просьбу сообщаем, что вопрос о Вашем выдвижении делегатом на 15 Съезд Союза писателей России от Калужского областного отделения “Союз писателей России” на повестке собрания никогда не стоял, так как Вы не состоите у нас на учёте, а являетесь членом московской организации. Заявления от Вас о желании быть избранным от Калужской области к нам тоже не поступало.

Председатель правления

В. Терёхин”.

Второе письмо было дружеским, утешительным и, что самое главное, оно всё и всех поставило на свои места, — и Огрызку, и Дорошенку, и Иванову. И других подобных им сплетников, масштабом помельче.

“Дорогой Станислав Юрьевич!

Прочитали в “Литературной России”, “Советской России”, на сайте “Российский писатель” наглые измышления господ Огрызко, Дорошенко и примкнувшего к ним Геннадия Иванова о том, что калужские писатели на своём собрании не выбрали Станислава Юрьевича Куняева на XV съезд писателей России. Отказали в доверии, потому что наш земляк, Почётный гражданин Калужской области, якобы давно не бывает в Калуге, не принимает участия в литературной и общественной жизни.

Со всей очевидностью заявляем, что это ложь! Ни на каком писательском собрании вопрос о выборе Станислава Юрьевича делегатом на съезд не ставился. А если бы Вы обратились с такой просьбой, то, не сомневаемся, были бы избраны единодушно.

А то, что Вас не избрали в Москве, так это постыдные интриги нынешнего руководства СП России, за это они несут личную моральную ответственность.

Мы благодарим Вас за многолетнюю плодотворную связь с родным краем, за то, что произведения калужских писателей и совсем молодых авторов регулярно появляются на страницах любимого и лучшего журнала “Наш современник”.

Поздравляя Вас с 85-летним юбилеем, губернатор Калужской области А. Д. Артамонов отметил Вашу активную общественную деятельность, искреннюю любовь к родному краю.

Выражаем Вам, Станислав Юрьевич, всяческую поддержку и неизменное наше уважение.

Калужские писатели, члены СП России Л. Филатова, Ю. Убогий, М. Бондарев, А. Убогий, С. Михеенков, Р. Панфёров, В. Бучарский, Д. Кузнецов, М. Бендрышева. 6.04.2018”.

Ну, как после этого будут смотреть мне в глаза А. Бобров, Г. Иванов, Н. Иванов и прочие “блехманы”? Жалко Г. Иванова, поверившего Огрызке и Дорошенко, которым, хоть плюй в глаза, всё равно Божья роса. Николая Иванова не жалко, он набрал себе команду фальсификаторов, так пусть и отвечает за свой выбор. А тут, как нельзя более кстати, из Воронежа пришло мне письмо от моего школьного калужского товарища Василия Чирикова, литературоведа-пушкиниста.

“Милый Стас, здравствуй!

В Воронеж возвратились участники съезда писателей России, проходившего в молчании людей правящих.

...В нашем городе аж 5 (пять!) писательских организаций; все дудят своё. А где единство? Бог лишь знает!

Ну, да ладно – на 6 (шесть) лет угомонились. До выборов очередных! Будут ждать у моря погоды.

Живу одним: краеведческой Пушкинианой. Об этом посылаю свой опус.

**Всего доброго, одноклассник.
Воронеж. 31.3.18 г.”**

В Воронеже – пять организаций! Вот чем надо заниматься Николаю Иванову со своими подчинёнными, а не слушать сплетни. Если верить словам Г. Иванова из письма ко мне, то Алик Лиханов избирался делегатом от Воронежа... Но интересно, от какой из пяти организаций? Звоню Алику, спрашиваю и слышу в ответ:

– Ни в какой Воронеж, Стасик, я, конечно, не ездил. И ни на каком собрании писателей, чтобы им понравиться и избраться на съезд, не выступал, ни с кем из воронежских писателей не встречался. А в Воронеже я был год назад по делам Детского фонда, заходил к губернатору Гордееву, а ещё несколькими годами раньше открывал там две библиотеки – имени Егора Исаева и Евгения Дубровина, бывшего главного редактора журнала “Крокодил”. Так что меня там знают и делегатом на съезд избрали заочно, без моего присутствия...

Вот так к калужскому вранью Геннадия Иванова прибавилось враньё воронежское. Совсем запутались. Насмотрелись на лондонское враньё и решили, что всё сойдёт с рук.

Ты, Геннадий Викторович, пишешь мне в своём “примирительном” письме, что меня, даже не имеющего делегатского мандата, “никто бы не ограничил высказать своё мнение на съезде”.

Окстись, друг мой, ты что, забыл, как кричал мне в лицо во время моего выступления: “Регламент!” – как вырывал микрофон из моих рук, и это при том, что у меня в кармане был мандат делегата от Московской писательской организации, “подаренный” мне Бояриновым. Ну, зачем ты, крупно солгав про Калугу и Воронеж, опускаешься и до такой мелкой лжи? Ведь все делегаты съезда видели, как ты “не ограничивал” моё выступление на съезде. Вроде ты чиновник опытный (почти 20 лет ходишь в руководителях СПР) и человек не глупый, но как не понимаешь того, что после обнародования всей вышеизложенной в письмах правды приедешь по служебным делам в Калугу или Воронеж, а местные писатели тебе руки не подадут?

* * *

А о главном идеологе Союза писателей и юбилейного 15-го съезда надо поговорить особо. Он того заслуживает. И у “Нашего современника”, продолжающего традиции “Современника” пушкинского, к нему есть особые счёты.

Несколько лет тому назад Огрызко опубликовал на страницах своей газеты поэму о Пушкине под названием “Александр и Александра”. Автором был поэт Игорь Кохановский, известный как песенный текстник и друг Высоцкого. Поэма повествует о якобы существовавшей сексуальной связи Пушкина со старшей сестрой его жены Александриной и о том, что автором “диплома ордена рогоносцев” и грязных писем, которые получил в конце 1836 года поэт и которые стали причиной его дуэли и смерти, был... сам Пушкин. Эта грязная сплетня, корни которой тянутся из XIX века, в наше подлое перестроечное время расцвела пышным цветом под перьями пошляков из “Московского комсомольца”, “Искусства кино”, “Парламентской газеты”. Но всех их переплюнули Огрызко с Кохановским. С развязной рифмованной графоманской пошлостью сообщает “Литературная Россия” нам, что Александрина “знала, что сестра не безупречна перед мужем”, что Пушкин “сочинит и разошлёт семь пасквилей – дипломов мерзких о нём самом, что, в свой черёд, предлог для поединка всеский”, что он сам “посвятил в свой дерзкий план любимую Александрину”. Но “апогеем” бесстыдства является финал “поэмы” о том, что “поэту верность – свой обет – несла в душе Александрина, и лишь спустя 15 лет обет прервал другой мужчина, печаль коснулась брачных уз, когда пикантностью нелестной всплыла невесты, но как-то сгладили конфуз”.

Всё знают Кохановский с Огрызкой, как будто оба согладаясь в замочную скважину подглядывали и за сёстрами Гончаровыми, и за Пушкиным, как будто ночевали в их спальнях. Когда знаменитый своими глубочайшими знаниями жизни Пушкина, своим толкованием пушкинских текстов и своей научной честностью мой однокашник по МГУ Валентин Семёнович Непомнящий с омерзением прочитал кохановско-огрызковскую стряпню, то прислал в редакцию “Нашего современника” негодующее письмо, в котором писал: “В историю с пасквилом, порочащим Наталью Пушкину, вписывают её сестру Александру, предстающую такой же бессовестной тварью, как и сам поэт <...> Пушкин предстаёт, сверх всего, ещё и беспросветно тупым циником <...> Мы имеем дело с явлением эпохи конца человеческой культуры – эпохи, в которую России, родине Пушкина, вступать тошно.

Вот что я могу сказать о современной версии нравственного облика величайшего русского поэта. Верю, что она не оболванит читателей – тех, для кого ещё внятно человеческое и белое отличимо от чёрного. Надеюсь, они поймут: то, в чём стараются убедить творцы версии о Пушкине-подлеце, есть факт биографии самих этих людей...”

Непомнящий прав. Видимо, дьявольский план всех этих “подлецов” заключается в том, чтобы сформировать в читающем обществе убеждение, будто бы Александр Пушкин – “подлец”, Александра Гончарова – “бессовестная тварь”.

Этих огрызков и кохановских, грязно извращающих судьбу и жизнь Пушкина, вполне уместно назвать хлестким словом “извращенцы” и относиться к ним с таким же презрением, с каким Пушкин относился к педерастической парочке – Геккерену и его, по словам Пушкина, “так называемому сыну”, чьи имена до скончания времён будут носить на себе печать позора.

Однако, опубликовав поэму Кохановского, Огрызко не подозревал, что судьба за такую подлость накажет его. Вскоре после этой позорной публикации в Москву из Питера приехал фотохудожник и летописец российской писательской жизни, автор знаменитого “Русского альбома”, действительный член Петровской академии наук и искусств Анатолий Пантелеев. Он приехал из Питера в Москву, чтобы побывать на моём юбилее. Но не только за этим. Возмущённый постоянным шельмованием со стороны Огрызки многих славных писательских имён России — В. Жогинова, Ю. Селезнёва, Н. Рубцова, а теперь и Пушкина, — Пантелеев, прежде чем побывать на моём юбилее, сначала приехал на Цветной бульвар, нашёл дом № 32, строение 3, прошёл по коридору первого этажа до кабинета главного редактора “Литературной России”. Зашёл, молча сел в кресло перед его столом. Огрызко засуетился, заказал чаю, что-то говорил об изданных им книгах, совал Пантелееву эти книги... Пантелеев молча выслушал его подобострастную болтовню, а потом кратко, но весомо изложил Огрызке всё, что он думает о его грязных сочинениях, касающихся многих достойных писателей. Огрызко заверещал, что он должен обо всех сказать правду, какая бы горькая она ни была, но Пантелеев встал, перегнулся через стол и дал ему по толстой физиономии даже не пощёчину, а врезал-таки по-настоящему, по-мужски... Огрызко стал вылезать из-за стола, но Пантелеев остудил его пыл, плеснув остаток чая из кружки на искажённое злобой лицо, повернулся и вышел из кабинета.

Рассказывая об этом мне, Пантелеев выразил мне благодарность, подчеркнув, что такому способу заступничества за честь своих друзей он научился у меня. Да, в молодости я, действительно, не раз именно так рассчитывался с подлецами и клеветниками. Но тогда я подумал, что чёрного кобеля не отмоешь добела, что эта затрещина, полученная, говоря словами Валентина Непомнящего, “подлецом”, — не последняя в его жизни. Так оно и вышло. Судьба справедлива. Дело в том, что совсем недавно коллектив журнала “Москва” отмечал 50-летие публикации романа Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”. Отпраздновав официальную часть торжества в Центральном Доме журналиста, все участники поехали на Арбат, где их ждал традиционный фуршет. Быстрее и раньше всех почему-то напился Огрызко и заявил присутствующим, а некоторые из них пришли с жёнами, о том, что наболело в его несчастной душе:

— Вот болтают обо мне всяческие завистники, что я пидор, а я — настоящий мужчина, что и докажу вам сейчас!

И, к изумлению гостей, он, уподобившись голливудскому продюсеру Вайнштейну, стал хватать рядом сидящих женщин за всякие места, пока один из опомнившихся мужей не подскочил к Огрызке и, одной рукой схватив его за грудки, другой врезал кулачищем по пьяной роже. Огрызко рухнул на пол, но тут же вскочил и с криком:

— Так вы относитесь к гостям! — бросился вниз на первый этаж и, как пробка, вылетев на Арбат в одной рубашке, скрылся то ли в дождевых струях, то ли в хлопьях мокрого снега, словно ограбленный на Невском проспекте Акакий Акакиевич... С тех пор вот уже несколько месяцев он не появляется в журнале “Москва”, где до сих пор пылится его дублёнка... Так что рано или поздно, но судьба поступает со всеми, кто посягает на честь Пушкина, жестоко, но справедливо.

Ну, по-другому и быть не могло: на Арбате, где когда-то бесчинствовали герои “Мастера и Маргариты”, где до сих пор бродит тень Воланда, конечно, с Огрызкой обязательно должно было что-то такое случиться. И случилось.

А что касается его клеветы о том, что меня не избрало на съезд калужане, то суду фактов будет достаточно, чтобы вынести Огрызке обвинительный приговор. Пусть ему присудят общественные работы, пусть ему дадут метлу в руки, пусть он подметает асфальт перед дверью “Нашего современника”...

А, кстати, и московское правительство распорядилось, чтобы помещение “Литературной России” было передано администрации Преображенского рынка.

Так что, возможно, вскоре рядом с нашим журналом не будет “Литературной России”. Скучно мне будет жить на этом свете, господа, после того, как идеолог съезда, мечтавший о “крахе Станислава Куняева”, узнает, что такое настоящий крах. Как говорится, не рой яму другому... Впрочем, Огрызку надо было гораздо раньше, после публикации мерзкой поэмы И. Кохановского убрать с поста главного редактора “Литературной России” через суд с формулировкой “За оскорбление чести и достоинства великого гражданина России Александра Сергеевича Пушкина”.